Baština Akademije nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine

Leksikologija i leksikografija I: Leksikografski postupak

Halilović, Senahid

2022-12-31

Akademija nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine

https://bastina.anubih.ba/items/6ca51dde-2a77-4899-84dc-e2515e45155a

Preuzeto s Baštine Akademije nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine

https://bastina.anubih.ba/

DOI: 10.5644/PI2022.206.12

ЗАМЕТКИ О ЛЕКСИКЕ НАРОДНОЙ МИФОЛОГИИ В “СЛОВАРЕ БОСНИЙСКОГО ЯЗЫКА”[1]

Плотникова Анна
Институт славяноведения РАН, Москва

Аннотация

В статье анализируется мифологическая лексика, связанная с народными представлениями и фольклором южнославянских народов (обозначение ментальных денотатов – вилы, вампира, волколака, дракона, ведьмы и др.) в центральной части Южной Славии. Подробно исследуется распространение такой лексики на этнолингвистических картах в сопоставлении с презентацией ее в “Словаре боснийского языка” (2010 г.). Делаются выводы о том, что “Словарь боснийского языка” отражает процессы постепенной утраты народной мифологической лексикой ряда первоначально присущих ей значений. Фольклорная лексика начинает нередко употребляться жаргонной и просторечной речи. Появляются новые значения, связанные с зоологической сферой, что происходит на основе известных ранее контекстов из области “низшей” мифологии и народных воззрений на природу. “Словарь боснийского языка” как полномасштабный лексикографический труд в представленных словоупотреблениях, словосочетаниях и фразеологических оборотах отражает ряд характеристик самих мифологических персонажей, известных из этнографической литературы и полевых этнолингвистических записей автора.

Ключевые слова: лексикография, лингвогеография, этнолингвистика, фольклор, мифологические персонажи

Вступление. О роли толковых и диалектных словарей при реконструкции древнейшего пласта лексики народной духовной культуры автору приходилось писать неоднократно (Плотникова 1995, Плотникова 1995а, Плотникова 2004: 58), особое внимание этому вопросу посвящено в отдельной монографии по славянской лексикографии (Плотникова 2000). Суммируя опыт изучения презентации терминологической лексики народной духовной культуры в лингвистических словарях разного типа,

[1] Авторская работа осуществлена при финансировании РФФИ (проект № 20-012-00300).

можно с уверенностью говорить о том, что они служат незаменимым источником сведений о наличии лексемы в языке (или диалекте, говоре), дают основные и переносные значения заглавного слова, предоставляют точные сведения о географической локализации той или иной лексемы (что служит важнейшим источником для дальнейшего картографирования слова и его семантики), раскрывают деривационные возможности слова, свидетельствуют о прямых и переносных значениях, показывают фразеологическую сочетаемость искомой лексемы. Их можно в полной мере считать бесценным источником для этнолингвистики. Неслучайно, что в фундаментальном этнолингвистическом словаре "Славянские древности" (Москва, 1995–2012. Т. I–V) лингвистические словари наряду с атласами занимают особое место в библиографии источников, см. (Славянские древности 1995: 58–62).

На примере терминологической лексики народной мифологии южных славян, в настоящее время хорошо и подробно изученной фольклористами и этнолингвистами из разных славянских стран (Н. И. Толстым, Л. Раденковичем, А. А. Плотниковой, С. Джорджевич-Белич, Э. Рудан и др.), постараемся показать, насколько терминосистема так называемой низшей мифологии центральной части Южной Славии, прежде всего включающей Боснию и Герцеговину, отражается в словарных статьях "Словаря боснийского языка" (Halilović, Palić, Šehović 2010). Для сопоставления системы терминологической лексики народной мифологии, отмеченной в Боснии и Герцеговины мы обратимся, во-первых, к диалектным, этнографическим, фольклорным и иным источникам, на основании которых составлены этнолингвистические карты в монографии "Этнолингвистическая география Южной Славии" (Плотникова 2004), во-вторых, к собственным полевым материалам, собранным в нескольких полевых экспедициях на территории Федерации Босния и Герцеговина (2011–2012 гг. – в селах бошняков окрестностей Сараево и Високо[2] и в 2017 г. – в сербских селах и одном бошнякском с. Козара в окрестностях Приедора, Республика Сербская[3]).

[2] Этнолингвистические экспедиции 2011–2012 гг. были осуществлены при поддержке акад. С. Халиловича, совместно с Е. С. Узенёвой и Альмой Геняц-Накичевич, которая оказала большую помощь при переездах из села в село и в поиске собеседников.

[3] Работа в окрестностях г. Приедор (20–30. 3. 2017) велась в рамках проекта ученых из Университета в г. Баня Лука "Проучавање и заштита нематеријалног културног наслеђа Републике Српске" ("Изучение и защита нематериального культурного наследия Республики Сербской"), координатор проекта проф. др. Еленка Пандуревич.

Вила. Без преувеличения можно сказать, что наиболее известный южным славянам мифологический персонаж – это *вила* (антропоморфное существо женского пола привлекательной внешности, помогающее людям или приносящее вред), известная практически на всей территории Южной Славии, причем в Боснии и Герцеговине вариантов имени не обнаруживается (Плотникова 2004: 614–618), лишь дополнительные атрибуты, адресующие, например, к месту обитания сверхъестественного существа: *vila – gorkinja* “лесная вила” (RBJ: 1434). Семантическая часть определения в словаре выделяет наиболее характерные признаки персонажа (дается после пометы “мифологическое”): “сверхъестественное женское существо исключительной красоты и огромных возможностей, обычно обитающее в лесу или воде”. Под знаком “устойчивые словосочетания” в словаре представлено сначала наиболее частотное прямое словоупотребление *dobra vila* “добрая вила”, а затем переносное – *ona je moja dobra vila*, что означает “та, которая протягивает руку помощи, обычно в ситуациях, когда кажется, что помощи ждать неоткуда” (RBJ: 1434). Раздел словарной статьи, посвященный фразеологическим выражениям, предоставляет читателю целый набор функциональных характеристик персонажа, отраженных в устойчивых фразеологических оборотах. Некоторая их часть характеризует отрицательные свойства персонажа, способного принести невзгоды и беды человеку: *došle vile pred očima / pred oči* (букв. ‘встали вилы перед глазами’), что означает большие неприятности, ощущение безвыходности. Отдельного внимания заслуживает оборот *juri kao da ga vile nose* (букв. ‘летит, будто его вилы несут’, в толковании: “несется изо всех сил; несется, как ветер”), который указывает на бытующее у южных славян представление о том, что вилы перемещаются с ветром по воздуху и нередко отождествляются с ветром и вихрем, см. картографирование этой характеристики персонажа на этнолингвистической карте (Плотникова 2004: 614–616); то же отражается и в следующем примере словарной статьи: *koje tebe vile donesoše / donose* (букв. ‘какие вилы тебя принесли’, в толковании: “откуда ты взялся? /при удивлении/”)[4]. Заключительный

[4] Важной чертой ряда фразеологических оборотов с ключевым словом – обозначением мифологического персонажа – является возможность замены имени персонажа гиперонимом, обозначающим нечистую силу в целом, что становится дополнительным фактором возникновения обобщающих высказываний. Примером может служить сравнение представленного выражения *koje tebe vile donesoše / donose* с иной лексической единицей в качестве обозначения смыслового центра: *kuda ga đavo donese* “выражение внутреннего негодования – обычно, когда кто-то приходит в неурочное

фразеологический фрагмент еще раз подтверждает бытующее в народе поверье о сверхспособностях вил: *ne bi ga vile iznijele* (букв. ‘ни вилы бы его не вытащили’, в толковании: “нет ему спасения, помощи, выхода из ситуации”) (RBJ: 1434).

Обратившись к деривационному гнезду от соответствующего корня, можно отметить целый ряд прилагательных и существительных, уточняющих и расширяющих представления о вилах, распространенные именно на территории Боснии и Герцеговины и сопредельных зонах (в частности, западносербской в рамках восточногерцеговинского диалекта). Речь, прежде всего, о вскормленном вилами человеческом младенце (мальчике, юноше), которому они также со временем передают свои сверхспособности (подробнее см. вопрос в этнолингвистической программе о человеке, “взращенном” вилами /Плотникова 2009: 49/). В “Словаре боснийского языка” находим: *vilenjak* (причем с указанием и на женский персонаж подобного типа: *vilenica*), толкуемое в первом значении как “сверхъестественное существо с огромными способностями” и традиционной пометой “мифологическое”; под вторым значением указывается употребление слова в переносном значении: “тот, кто склонен к быстрым, неожиданным, в том числе противоречивым, поступкам; очень беспокойная и непостоянная особа, вертопрах” (RBJ: 1435). Характеристики, которые приписываются виле – ветреная, неспокойная, а также и бурная, бесноватая – находят отражение в целом ряде дериватов от соответствующего корня с переносным значением: *vilo-vito* (наречие) “неспокойно, бурно, бешено”, *vilen* (прил.) “сумасшедший” (с пометой “разговорное” и словосочетанием *vilen konj* ‘конь вилы’, что значит “буйный конь”), *vileniti* (глагол) “делаться непредсказуемым, сходить с ума” (экспрессивное, разговорное) и т. д. Вместе с тем, дериваты с прямым значением ‘принадлежащий или свойственный виле’ отсылают нас к многочисленным поверьям о конях вилы, которым она расчесывает хвост и гриву (или заплетает косички),[5] а также о кругах вил, которые остаются после их танца – в этнолингвистическом опроснике, предназначенном для сбора лексического диалектного

для посещения время” (RBJ: 254) – фразеологический оборот из словарной статьи, где заглавным словом служит повсеместно известное у всех славян обозначение дьявола (чёрта).

[5] Благодарю за сообщение акад. С. Халиловича (2011 г.) из воспоминаний о своем детстве: когда у лошадей в конюшне появлялись на гриве заплетенные косички, все кругом говорили, что их делают вилы, скачущие по ночам на этом коне.

материала в балканославянских странах, различным обозначениям этого явления посвящен отдельный вопрос (Плотникова 2009: 49). В “Словаре боснийского языка” находим устойчивые выражения с прилагательными *vilin* и *vilinski*: (*vilino kolo* и *vilinsko kolo*, букв. ‘круг, танец вил’), что в обоих случаях трактуется как “утоптанная поверхность (обычно на берегу реки), где вилы танцуют в хороводе” (RBJ: 1435). Следует особо отметить, что в данном случае словарь фиксирует это устойчивое выражение как общеизвестное для территории боснийского языка, поэтому уместно говорить о модификации этнолингвистической карты, посвященной обозначениям следов пребывания (танца) вил (Плотникова 2004: 626–628) в сторону расширения ареала выражений типа *vilinsko kolo*, так как на карте устойчивое выражение, относящееся к обозначению круга травы, неестественно зеленой или, наоборот, желтой, вытоптанной или окруженной по периметру грибами, как места танца вил (*вилино коло* и *вилинско коло*) засвидетельствовано по материалам этнографических источников лишь в двух местах – регионе Янь в Боснии и Гацко в Герцеговине[6], а также и в сопредельных хорватских областях Адриатики.

Вампир. Одним из наиболее частотных мифологических персонажей в боснийской системе народных представлений можно считать вампира, который в этом обширном ареале обозначается не только как *вампир*, но и *вукодлак*. Причем, по данным этнографических источников, где наименования мифологического персонажа последовательно фиксируются, обозначение *вампир* преобладает на востоке страны, а *вукодлак* – на западе, однако *вукодлак* на востоке может также употребляться в значении ‘нечистый дух’ (Гласинац), наряду с фонетически затемненным *лампир* ‘вампир’ (Филиповић 1955: 129), и ‘волк-оборотень’, точнее – существо наподобие волка, с черным телом, покрытым шерстью, похожей на волчью; живет в лесных пещерах и ямах (Гацко в Герцеговине), тогда как на севере Боснии лексема *вампир* трактуется и расширительно: ‘дьявол, нечистый дух’ (окрестности Прнявора, Дервенты), подробнее см. (Плотникова 2004: 634–639). В Подкозарье диалектная лексема *вукодлак* объясняется и как ‘вампир’, и

[6] Впрочем, обращаясь к диалектным словарям, изданным позднее вышедшей монографии (Далмација 2004: 44–45), а также и последующим собственным полевым исследованиям 2011–2012 и 2016 гг. (Белашница, Високо, Подкозарье, окрестности Приедора и т. д.), убеждаемся, насколько широко эти выражения известны в Боснии и Герцеговине, см. также о вилах в Боснии и Герцеговине (Плотникова 2013: 7–8).

как ‘привидение’ (Далмација 2004: 50). По нашим собственным полевым записям из сел бошняков Белашницы и окрестностей Сараева, *vukodlak* – это человек, имеющий способность превращаться в волка, после чего он нападает на скот и истребляет целые загоны овец, выпивая их кровь, подробнее см. (Плотникова 2013: 9–10), что ориентирует нас на древние черты мифического волка-оборотня под именем *волколак*, *волкодлак*, каким он предстает, например в архаическом восточнославянском Полесье. Карта, показывающая распределение названий вампира в Боснии и Герцеговине, обнаруживает деление на восток – запад по принципу фиксации данной лексемы в значении ‘вампир’ (Плотникова 2004: 634, 712).

В “Словаре боснийского языка” закономерно представлены обе лексемы, причем, *vampir* (с пометой “мифологическое”)[7] трактуется описательно (“оживший мертвец, который встает ночью и пьет у людей кровь”), а также и через синоним *vukodlak* (RBJ: 1421). Любопытно, что в словаре дается и фразеологизм явно западноевропейского происхождения: *bal vampira* в значении “собрание тех, чье время прошло” (RBJ: 1421). При этом значение лексемы *vukodlak* указывается в принятом для окрестностей Сараева значении (зафиксированном и нами при полевом обследовании): “1. (мифологическое) сверхъестественное существо в виде человека и волка, которое у людей по ночам пьет кровь; вампир” (RBJ: 1460). Представляется интересным, что “волчий облик” мифологического персонажа отмечен в толковании – такая контаминация представлений характерна для восточной Боснии, но уже не встречается на западе, а также и в соседних хорватских регионах, где *vukodlak* – это вампир без каких-либо демонических связей с образом волка (способности к оборотничеству в волка, наличия шерсти и пр.)[8].

Дракон. Важной в “Словаре боснийского языка” представляется словарная статья, посвященная турцизму *aždàha* (*àždaha*), прежде всего, с точки зрения презентации целого ряда переносных значений, столь свойственных лексике из сферы народной мифологии. В данном случае

[7] К сожалению, этимология, данная в словаре, неточная; ср. рус. *вампир* из французского или немецкого, куда слово попало из русского *упырь* (Фасмер 1964: 271), известного и в других славянских языках. В бывшем сербскохорватском языке это также заимствование из европейских языков, по сути, вторичный славизм.

[8] О том же свидетельствуют и наши собственные записи из окрестностей Приедора (*вукодлак* – несчастная душа, которую Бог не принимает после смерти человека, поэтому первые 40 дней он бродит по дому, стучит, гремит, после чего “душа смиряется”, с. Горня Драготиня).

сопоставляемая с материалом словаря этнолингвистическая карта под названием “Мифический персонаж *хала* / *ламя* / *аждаја*” (Плотникова 2004: 666) включает семантические поля рассматриваемых терминов: ‘проявление стихии’, ‘прожорливый, ненасытный’, ‘необычайно сильный, большой’. На карте в пределах территории Боснии и Герцеговины зафиксировано лишь два упоминания соответствующих наименований змея-дракона – в окрестностях Високо и Маевице. Как показывает соответствующая статья “Словаря боснийского языка”, территория употребления термина не ограничивается только этими двумя районами[9], более того, слово бытует также и в двух своих переносных значениях: “1. (мифологическое) огромное прожорливое чудовище; 2. (переносное) прожорливый человек или животное [с примером: *prava je aždaha* т. е. “настоящий дракон”]; 3. (переносное) кто-то или что-то исключительно способное, мощное, сильное (о живых существах и предметах) [с примерами словосочетаний: *aždaha od čovjeka* “дракон, а не человек”, *aždaha od auta* “дракон, а не машина”]; 4. (переносное, ругательное) злая, невыносимая женщина [с примером: *aždaha u kući* “дракон в доме”] (RBJ: 39).

Мифический защитник земельных угодий. Продолжающая тему мифологических персонажей, связанных с бурей и непогодой, карта “Мифический защитник земельных угодий, вступающий в борьбу с демонами непогоды” фиксирует в восточной Боснии и Герцеговине наименование *stuha* и его варианты: *stuva*, *stuhać* (Плотникова 2004: 658–661). Как известно, в народных представлениях на территории Черногории, восточной Боснии и Герцеговины, а также юго-западной Сербии под этим и сходными названиями (*zduhać* и под.) подразумевается сверхъестественный персонаж (человек или животное), дух которого во время сна покидает тело и вступает в борьбу с другими демонами непогоды, ср. выражение о сильном ветре и буре в Верхней Герцеговине *побиле се стухе*, т. е. “стухи подрались” (Ђорђевић 1953: 244-245). В “Словаре боснийского языка”, отражающего в данном случае следующий этап бытования мифологической лексики, когда точное значение слова, связанное с поверьями, утеряно, отмечается разговорно-экспрессивное употребление лексемы как первое, основное: “призрак, привидение,

[9] В словаре Подкозарья на северо-западе Боснии лексема также зафиксирована в двух значениях – прямом (“мифическое чудовище, прожорливый дракон, змей”) и переносном, при этом переносное значение имеет более общий характер: “вредная, злая женщина” (Далмација 2004: 16).

дух"; затем – переносное значение: "особа, которая выглядит как привидение", а также и жаргонное: "человек не в себе" (RBJ: 1260). Само заглавное слово словарной статьи включает и производный вариант, относящийся к особе женского пола – *stuhinja* (видимо, более позднее образование). По нашим полевым записям в Боснии и Герцеговине, именно переносные значения лексемы распространены достаточно широко: *stuha* "нехороший, аморальный человек"; употребляется и как ругательство (села окрестностей Високо). Отмечены и прямые значения слова: *stuha* (призрак, привидение) – niti je obućena, niti je gola – u gluho doba i stuhe hodaju [и не в одежде, и не голая – в два часа ночи и стухи бродят] (с. Лукавац, окрестности Сараева, соб. зап., 2011).

Ведьма. На территории Боснии и Герцеговины обозначение ведьмы – женщины со сверхъестественными способностями, которая вредит людям (наносит порчу, болезнь, уничтожает скот, отбирает молоко у соседских коров и пр.) существует в двух параллельных вариантах: *vještica* и *činilica*. Если первое наименование известно на всей территории бывшего сербскохорватского языка, то второе наименование на территории южных славян занимает компактный центральный ареал: оно распространено не только в северной, северо-восточной и восточной Боснии, но также и в западной Сербии и северной Черногории (Плотникова 2004: 646–653). Лексеме *vještica* и её производным в "Словаре боснийского языка" посвящено несколько словарных статей, опорной является статья с основными значениями – мифологическим ("женщина со сверхъестественными способностями") и переносным, ругательным ("a. злая женщина; b. некрасивая женщина"); далее: *vještičiji* "относящийся к ведьме" (с примером словоупотребления: *vještičija družina* "собрание ведьм"), а также и народное название насекомого – бабочки: *vještica* (2) с пометой "зоологическое": "ночная бабочка, из семейства *Sphingidae (Sphinx)*" (RBJ: 1443). По сути, наблюдаем народное именование бабочки "ведьмой", которое, очевидно, связывается с представлением о том, что злокозненное существо ночью превращается в бабочку и проникает таким образом в дома, хлева и загоны для скота с целью нанести вред людям и домашним животным. Наименование *činilica* в "Словаре боснийского языка" отсутствует, но словообразующая исходная лексема *čini* включается (с пометой "этнологическое") и толкуется следующим образом: "порча, колдовство, чары" с указанием на соответствующие фразеологические обороты: *baciti čini na koga*, т. е. "заколдовать кого-либо, довести до состояния, что человек теряет

полный контроль над своим поведением и поступками”; *skinuti čini s koga*, т. е. “вернуть кого-либо в состояние полного контроля над собой” (RBJ: 139). Нельзя не отметить, что производное *činilica* фиксируется в этнографических источниках из самых разных регионов обозначенной территории (М. Филиповичем, Тих. Джорджевичем, Э. Лилеком); также эту лексему в значении ‘ведьма’ вместе с соответствующими контекстами (в которых указываются функции ведьмы) – отбирание молока, насылание болезней на соседских овец и пр. – удалось записать у мусульман-бошняков при полевом обследовании окрестностей Сараева (с. Дуймовичи, расположенное между горными массивами Белашница и Трескавица). Во время бесед с жителями этих сел на темы народной мифологии выяснилось также, что старые наименования славянского происхождения (*vještica* и *činilica*) сохраняются наряду с поздними – турецкого происхождения: *si(hi)rbasica* и *sihirbaši-ca*, о чем свидетельствуют наши записи в ряде сел (с. Умоляни, с. Дуймовичи, с. Лукавац и др.), а также “Словарь боснийского языка”, где фиксируется: *sihirbaz* (с вариантом в женском роде *sihirbazica*) “тот, кто набрасывает, подкидывает, бросает чары; колдун” (RBJ: 1189). Исходная заимствованная лексема в словаре также отмечена: *sihir* с пометой “этнологическое”: “действия, с помощью которых посредством злых сил намереваются нанести кому-либо порчу; магия, колдовство, чары, порча” (RBJ: 1189).

Демоны судьбы. Если обратиться к более статусному разряду мифологических персонажей, таких как сверхъестественные существа в славянских поверьях, предсказывающие судьбу человека при рождении, то в данном случае также обнаружим в “Словаре боснийского языка” лишь переносные значения, важные для понимания сути бытовавших у славян поверий. Неслучайно, что карта “Демоны, определяющие судьбу” представляет названия соответствующих мифологических персонажей в основном на севере и северо-востоке Боснии и Герцеговины – в настоящее время на территории Республики Сербской (у православных сербов, где подобные поверья отчасти сохраняются – в настоящее время, однако, чаще можно зафиксировать “сказки” на эту тему). Основной женский персонаж – *суђеница*, *усуда* (подробнее см. Плотникова 2004: 604–609), но фиксируется и мужской – *усуд* на территории Посавья, как обозначения мифических существ, определяющих судьбу новорожденного младенца. У южных славян от Черного моря до Альп, т. е. на большей части территории проживания, известны поверья о женских

демонах судьбы, обозначаемые соответствующими наименованиями с прозрачной внутренней формой (от с.-х. *судити* ‘судить, присуждать, определять’), тогда как *усуд* отмечен лишь в центральной части Южной Славии: в западных краях Сербии, на севере Боснии и Герцеговины (Посавье в Республике Сербской). В “Словаре боснийского языка” находят отражение народные поверья в некое предопределение судьбы через лексему *usud* – “то, что кому-то заранее определено; судьба, рок” (RBJ: 1400).

Выводы. Как видно из вышеизложенного, мифологическая лексика постепенно утрачивает ряд первоначально присущих ей значений, приобретая пейоративные коннотации и зачастую переходя в сферу жаргонной, просторечной и ругательной лексики, а также связываясь с иными обиходными значениями, относящимися, в частности, к зоологической сфере. Одним из примеров последнего может служить и словоупотребление лексемы *drekavac* на территории центра Южной Славии, прежде всего – в Боснии и Герцеговине, в настоящее время уже только в переносном значении. По народным представлениям, людей и особенно рожениц могли мучить некие мифические существа, которые издавали пищащие, кричащие, мяукающие звуки, которыми изводили людей, приводя к болезни или даже смерти. Считалось, что эти демоны происходят от умерших новорожденных младенцев (у христиан – умерших до крещения). Известные под разными наименованиями на всей территории Южной Славии, мифические существа, как правило, обозначались либо дериватами от **nav-* (корень, связанный со сферой смерти по разным источникам, включая древнерусские), либо от глаголов со значениями ‘свистеть’ (например, ю.-в.-серб. *свирац*), ‘плакать’ (например, герцеговин. *јауд*, *плакавац*), ‘кричать’ (например, с.-х. *дрекавац*), подробнее см. (Плотникова 2004: 240–242; 686–693). На этнолингвистической карте можно видеть, что на боснийской и смежной западносербской территории расположен компактный ареал наименований от *дрečати* ‘кричать, издавать пронзительные звуки’. Обращаясь к “Словарю боснийского языка”, обнаруживаем, что лексема *drekavac* утратила своё мифологическое (этнологическое) значение и в настоящее время известна в пейоративном контексте (в словаре имеется соответствующая помета): “тот, кто поднимает крик (обычно о малом ребенке)” и как зоологическое название: “вид обезьяны *Alouata*” (RBJ: 228). То же подтверждено в ходе полевых исследований: так, *drekavac*, *drekalo* или *дрečalo* во всех обследованных нами селах может

трактоваться как “некая птица”, “сова, выпь”, “некое кричащее существо, предсказывающее смерть в доме”, “лисица” и т. д. Таким образом, с одной стороны сохраняется связь денотата, отмеченного лексемой, с нежелательными (в том числе смертельными) последствиями для человека, с другой – наименование переходит на обозначение какого-либо животного, птицы (часто также предсказывающих смерть или несчастье в доме). Все эти процессы, характеризующие народную мифологическую лексику, последовательно отражаются в современных толковых словарях, как мы попытались показать на примере “Словаря боснийского языка” 2010 г.

Рассматриваемый словарь в представленных словоупотреблениях, словосочетаниях и фразеологических оборотах отражает ряд характеристик самих мифологических персонажей, известных из иных источников, прежде всего, из этнографической литературы, а также полевых этнолингвистических записей автора на территории Республики Босния и Герцеговина и других областях Южной Славии. В слове как цементирующей основе преданий, быличек и поверий закрепляются исконные значения, связанные с “низшей” мифологией славян. В примерах, представленных выше, это особенно ярко проявляется при анализе словосочетаний, в структуру которых входит лексема *вила*. Функциональные признаки самого персонажа становятся ключевыми для понимания таких выражений, как *juri kao da ga vile nose* (способность перемещения по воздуху), *došle vile pred očima* (опасность для людей, исходящая от мифологического персонажа), *ne bi ga vile iznijele* (сверхъестественные способности персонажа, позволяющие помогать людям в безвыходных ситуациях) и др.

Литература

Далмација, С. (2004), *Рјечник говора Поткозарја*, Глас српски – Графика, Бања Лука

Ђорђевић, Тих. Р. (1953), “Вештица и вила у нашем народном веровању и предању. Вампир и друга бића у нашем народном веровању и предању”, *Српски етнографски зборник* 66, 1–282.

Плотникова, А. А. (1995), “Лексика традиционной культуры в русских словарях”, *Историко-культурный аспект лексикографического описания русского языка*, 157–168.

Плотникова, А. А. (1995а), “Этнокультурный аспект славянского диалектного словаря”, *Этническое и языковое самосознание. Материалы конференции*, ФИАНфонд, 119–120.

Плотникова, А. А. (2000), *Словари и народная культура. Очерки славянской лексикографии*, Институт славяноведения РАН, Москва

Плотникова, А. А. (2004), *Этнолингвистическая география Южной Славии*, Индрик, Москва

Плотникова, А. А. (2009), *Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала*, Институт славяноведения РАН, Москва

Плотникова, А. А. (2013), "*Архаические верования боснийского села Умоляни*", Живая старина 2, 7–10.

Славянские древности. Этнолингвистический словарь, Т. 1–4. (1995–2012), под общ. ред. Н. И. Толстого, Международные отношения, Москва

Филиповић, М. (1955), "Белешке о народном животу на Гласинцу", *Glasnik Zemaljskog muzeja. Nova Serija. Etnologija* 10, 117–136.

Halilović S., I. Palić, A. Šehović (2010), *Rječnik bosanskoga jezika*, Filozofski fakultet, Sarajevo

NOTES ON THE MYTHOLOGICAL VOCABULARY IN THE "DICTIONARY OF THE BOSNIAN LANGUAGE"

Abstract

The article deals with the mythological vocabulary associated with folk beliefs and folklore of the peoples in South Slavic countries (the designation of mental denotations – mermaid, vampire, wolfman, dragon, witch, etc.) in the central part of South Slavia. The distribution of such vocabulary on ethnolinguistic maps is studied in comparison with its presentation in the "Dictionary of the Bosnian Language" (2010). Conclusions are drawn that the "Dictionary of the Bosnian Language" reflects the processes of gradual loss of the folk mythological vocabulary of a number of originally inherent meanings. Folklore vocabulary begins to be used in slang and vernacular speech. New meanings arise that are associated with the zoological sphere, which occurs on the basis of previously known contexts from the field of "lower" mythology and folk views on nature. The "Dictionary of the Bosnian Language" as a full-scale lexicographic work in the presented word usage, word combinations and phraseological turns reflects a number of characteristics of the mythological characters themselves, known from ethnographic literature and field ethnolinguistic records that had been done by the author.

Key words: lexicography, linguistic geography, ethnolinguistics, folklore, mythological characters.